

Р. Дж. Баркер

БОГИ ВИРДВУДА

FAN|ZON

МОСКВА

ИЗГОЙ

Боги Вирдвуда

Warlords of Wyrddwood

Heart of the Wyrddwood

RJ Barker

**GODS
OF
THE WYRDWOOD**

Р. Дж. Баркер

БОГИ ВИРДВУДА

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б25

RJ Barker
GODS OF THE WYRDWOOD

Copyright © 2023 by RJ Barker
This edition is published by arrangement with
Johnson & Alcock Ltd. and The Van Lear Agency

Перевод с английского Владимира Гольдича и Ирины Оганесовой

Иллюстрация *гад блесс ми*

Карта *7Narwen*

Дизайн *Елены Куликовой*

Баркер, Р.Дж.

Б25 Боги Вирдвуда / Р.Дж. Баркер; [пер. с английского В. А. Гольдич, И. А. Оганесова]. — Москва : Эксмо, 2025. — 608 с. — (Век магии. Главные новинки зарубежного фэнтези).

ISBN 978-5-04-216063-9

Он был никем — мальчишкой без защиты клана. Но пришли мо-
нахи огненного бога и забрали его, чтобы он стал Капюшон-Рэем,
который исполнит пророчество о конце мира. Его готовили нести
смерть, а потом просто предоставили самому себе.

Вернувшись на семейную ферму, Кахан решает избежать пред-
назначения и дает слово никогда не использовать свои силы. Однако
пришла новая власть, а с ней новые боги. Годы бегства не дали Ка-
хану ничего, кроме разочарования, и когда одинокая жрица просит
его помощи, он решает принять бой.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© В. А. Гольдич, И. А. Оганесова,
перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-216063-9

Эду Вилсону, агенту и другу

Не вреди никому — и сам останешься невредим.

Начало

Больше всего мальчик любил вентдей. Он всегда ему нравился, потому что этот день отмечали процессиями и никто не работал, когда они проходили через ферму.

Все откладывали инструменты и посохи, матери одевали детей в лучшую одежду, а отцы заботились о том, чтобы они были чистыми. Потом все стояли в траве, стараясь не дрожать на пронзительном холоде, дожидаясь, когда монахи пройдут через Вудэдж от Харна в сторону Большого Харна.

Монахи всегда приходили в первой половине дня, но никогда не останавливались на ферме.

У них не было времени для бесклановых владельцев ферм, пытавшихся выжить на мерзлой земле. Но мальчика переполняло возбуждение.

Хотя все следовали Чайи, богу Капюшон-Рэев, тысячи богов оказывали услуги Чайи, и ты не мог знать, какого из них почитали монахи, или даже не представлял, как они выглядели. Иногда они казались добрыми, порой — богатыми, случалось — свирепыми или пугающими или всем сразу. Он видел монахов, поклонявшихся богам войны, их воины кружились и танцевали с мечами, другие не носили одежду и раскрашивали свои тела в темно-синий цвет. Некоторые отращивали волосы, другие были совершенно лысыми, и чтобы узнать, как они будут выглядеть, требовалось оказаться рядом с тропинкой, когда они выходили из леса.

Для мальчика это была самая волнующая часть.

Кем они окажутся?

— Ты слышишь колокола, Кахан? — спросила его сестра. Она была немногим старше, но в полях всегда становилась главной. — Они идут.

— Я слышу, Нахак, — сказал он. — И буду первым, кто их увидит.

— Тише, — сказал отец, у которого был крутой нрав.

— Лорн, — тихо сказала мать, — позволь детям порадоваться. У них трудная жизнь.

— И станет еще труднее, если монахи посчитают нас непочтительными, — сказал отец, и мать промолчала, из чего следовало, что она подумала: отец прав.

Кахан опустил взгляд, как его учили. Но голову наклонил совсем немного, недостаточно, чтобы показать истинное почтение. Иначе он их не увидит, а ему ужасно этого хотелось.

Когда монахи пришли, они его разочаровали.

Он не увидел музыкантов, древних одеяний, танцовщиков или воинов. Только парад уставших людей, чьи волосы стали грязными от пыли, а одежда покрылась глиной от долгого путешествия. Единственный, кто производил сильное впечатление, носил маску — яростное лицо с длинными зубами. Их Скиа-Рэй, голос бога. У него была длинная белая борода, его несли в кресле, обернутом летучей лозой, облегчавшей вес, — кресло покачивалось, и тогда звенели колокольчики.

Над ним держали Звезду Ифтала на длинном шесте, но дерево было старым, и восемь рук возле центрального круга дрожали в такт движению процессии. И все же это были монахи, из чего следовало, что они важны, поэтому мальчик склонил голову и постарался скрыть разочарование.

И вот они остановились.

Монахи никогда не останавливались. Во всяком случае, у их фермы.

— Эти люди не присутствовали в деревне на собрании для Зо-рира-Идущего-в-Огне, — сказал мужчина в кресле. Его голос прозвучал очень тихо.

— У них нет грима, нет краски-клана и клана нет, — сказал лысый монах свирепого вида, и его слова все объясняли.

Даже мальчик знал, что быть бесклановым означает занимать более низкое положение, чем все остальные. Хуже даже, чем короного-

ловые, которые были самыми глупыми животными на свете. Без га-
рауров они бы не прожили и дня.

— Значит, — сказал старик, — никто здесь не останавливается?

— Это запрещено, Скиа-Рэй, у них нет клана.

— Лишены семьи. Лишены верности, живут у самого леса, — ска-
зал старик и повернулся к ним: — Я думаю, мы здесь остановимся.

Мальчик обнаружил, что он отчаянно дрожит, и не знал поче-
му — от страха или волнения. Он смотрел, стараясь не показывать,
что наблюдает за ними, в то время как кресло поставили, опустили
ступеньки и старик встал. Лысый монах помог ему сойти на землю.

— Это запрещено, Скиа-Рэй, — тихо сказал монах старику.

— Ну, Лаха, многие вещи запрещены до тех пор, пока их не раз-
решают, верно?

— Но учения... — начал монах.

— Я Скиа-Рэй, Лаха, и не думаю, что тебе следует рассказывать
мне про учения Зорира, верно?

— Да, — сказал монах и опустился на колени. — Простите ме-
ня, Скиа-Рэй.

— Всегда, — сказал он, сделал несколько шагов вперед и остано-
вился перед тем местом, где они стояли на коленях в грязи. — Я при-
нес вам благословения Ифтала, крестьяне, — сказал он. — Я Сара-
дис, от Зорира-Идущего-в-Огне, и также передаю вам привет от
имени моего бога. Пусть огонь останется теплым, но никогда не обо-
жжет вас. Пусть ваши жертвы облегчат великую боль Ифтала через
его слугу Чайи.

Все молчали. Никто не знал, что сказать, ведь бесклановых нико-
гда не благословляли. Мальчик посмотрел на отца и не сумел понять
выражения, застывшего у того на лице. Он выглядел испуганным, как
в тот раз, когда они увидели свардена в Харнвуде и им пришлось убе-
гать, спасая свои жизни.

— Благодарю вас, — заговорила сестра мальчика.

Кахан напряг все мышцы, когда услышал, как отец втянул в се-
бя воздух, звук был внезапным и очень опасным. Именно такой он
издавал перед тем, как его рука поднималась и наносила обжигаю-
щий удар.

— Ты смелая, — сказал Скиа-Рэй и сделал осторожный шаг к его сестре, стараясь не оступиться на скользкой, наполовину замерзшей земле.

Когда мужчина остановился рядом с Нахак, сердце мальчика забилось так сильно, что он понял: вот сейчас оно выскочит из груди. Воздух стал пахнуть иначе, мальчик вдруг почувствовал грязь на своей одежде и теле. Он ощущал запах травы, смятой под ногами старика. «Она в беде, — подумал он, — моя сестра в беде, а это важные люди, и они отрежут ей губы за то, что заговорила вне очереди».

— Подними голову, посмотри на меня, — сказал монах. — Ты можешь на меня посмотреть.

Он посмотрел.

Теперь старик находился ближе, и мальчик уже начал сомневаться, что перед ним мужчина — мягкий голос, больше похожий на голос матери, под одеждами плечи были не такими широкими, как у первого отца, а талия более округлой.

— Пожалуйста, простите девочку, — сказал отец, и слова стремительно вылетели из его рта со шрамом. — Она еще не знает своего места, никто из них не знает. Накажите меня за ее проступок.

Скиа-Рэй заморгал под маской. Посмотрел на покрытое шрамами лицо, отсутствовавшую нижнюю губу.

— Складывается впечатление, что ты уже был наказан, — сказал Скиа-Рэй и тихо добавил: — Но я здесь не для того, чтобы наказывать.

Они посмотрели на Нахак, девочка не сводила с них взгляда, словно бросала вызов, и Кахан ждал приказа — сейчас монахи схватят его сестру, появятся ножи, чтобы покарать бесклановую за то, что она заговорила не вовремя.

— Скажи мне, отец, — тон был мягким и полным любопытства, — ты бываешь в Вирдвуде?

— Это запрещ. — Взгляд Скиа-Рэя заставил его замолчать.

— Не нужно беспокоиться из-за того, что разрешено или запрещено. Говори мне правду, и никто не пострадает.

Отец склонил голову. Так он поступал перед Леорик из Харна, когда те требовали обмена.

— Иногда трудно свести концы с концами, нужно платить ренту за наш урожай и короноголовых, и...

— Это все, что мне требовалось знать.

Скиа-Рэй отвернулся, наклонил голову, посмотрел на двоих детей, и слабый свет дня отразился от полированного шлема. Мальчик увидел, что борода прикреплена к маске, и теперь не сомневался, что Скиа-Рэй — женщина. Скиа-Рэй протянула руку к Нахак, затем она замерла и покачала головой.

— Это не в тебе, — сказала она, повернулась, сделала шаг к Кахану и внимательно на него посмотрела.

Затем она опустилась на колени, и ее суставы запротестовали, а легкие голубые одеяния промокли на мокрой траве. Мир замер. Она очень долго на него смотрела. Он слышал дыхание своей семьи, окружавшей его. Тихое рычание гараура, привязанного возле дома. Мычание короноголовых на опушке леса.

Скиа-Рэй подняла руку.

— Я Сарадис, Скиа-Рэй, глава моего ордена и говорю от лица моего бога. Возьми мою руку, мальчик, — сказала она.

Он слотнул. Сделал то, что она сказала. Ее рука напомнила ему кожу короноголовых после того, как ее размягчили в ямах и повесили сушиться.

Теплая и сухая.

Не бойся.

— Я не боюсь, — сказал он; слова возникли на его губах непрощеными, скорее бравада, чем правда. Он выпрямил спину. Женщина улыбнулась. Он искоса посмотрел на Нахак, на отца, мать. Они смотрели на него, словно едва знали и понимали.

— Лишь немногие слышали бы слова, которые я произнесла, мальчик, — сказала женщина и кивнула — они не слышали. — Она посмотрела в сторону леса. — Ты там был. В глубине.

— Нет, — сказал он, потому что им не следовало заходить в глубину леса. То, что делала его семья, находилось под запретом.

— Не беспокойся, — сказала Сарадис. — Я хочу, чтобы ты был смелым, когда я испробую кое-что еще.

И тут он что-то почувствовал. Монахиня продолжала держать его руку, и мальчик ощутил нечто странное, настолько, что у него не нашлось подходящих слов. Как если бы плоть под его кожей пошла волнами.

Ему хотелось засмеяться, и одновременно его затошнило. Но первым чувством стало отвращение, словно происходило нечто неправильное, а потом оно исчезло. Но хотя это продолжалось лишь мгновение и он испытал ужас, мальчик понял, что хочет повторения.

Он посмотрел в глаза под маской. Они продолжали его изучать, и он почувствовал, что тепло его покинуло, когда она убрала руку, и, как и то странное чувство несколько секунд назад, ему захотелось, чтобы она вернулась. Сарадис подняла вверх обе руки и со щелчком сняла полированную деревянную маску и фальшивую бороду со шлема, чтобы он мог увидеть лицо под ней. Она оказалась не такой старой, как он думал, хотя ее волосы были белыми, как у того, кто пережил более тридцати урожаев. Однако лицо под застывшим гримом и красными линиями оказалось молодым. Длинный промежуток в гриме открывал сложную краску клана, шедшую вокруг глаза и вниз по скуле.

— Это, — сказала она, подняла маску и улыбнулась ему, — очень странная вещь. Некоторых людей она пугает, и они выполняют мои приказы, даже не думая усомниться в моем праве их отдавать. — Она подняла руку и коснулась щеки. — Это дает могущество, — продолжала она. — Ты хотел бы пойти со мной, чтобы о нем узнать, лесное дитя? В такое место, где всегда тепло. Я научу тебя читать символы, которые являются для тебя запретными. — Она улыбнулась. — И я научу тебя многому другому.

— Меня одного? — спросил он.

Женщина посмотрела по сторонам, и ее взгляд остановился на Нахак.

— Это твоя сестра? — Он кивнул. — Вы близки? — Он снова кивнул. — Тогда она также может пойти.

— Нет! — закричала мать. Ее рука метнулась ко рту, на лице появился страх. — Я лишь хотела сказать, что мы едва в состоянии пла-

тить ренту за ферму. Без детей, которые помогают нам работать, нас выбросят вон. Мы умрем.

Женщина посмотрела на мать, затем сняла ожерелье из блестящих разноцветных бусин из клинка-дерева.

— Ты знаешь, какова цена за то, что ты заговорила со мной вне очереди? — спросила Скиа-Рэй.

Мать кивнула, и по ее щеке сбежала слеза.

— Я его родила, — сказала она. — Я его родила. — И она, рыдая, упала вперед, в грязь.

Скиа-Рэй смотрела на рыдавшую мать.

Отец стоял, объятый ужасом, не в силах прийти к ней на помощь.

— Лаха, — сказала монахиня мужчине, стоявшему у нее за спиной. Мальчик заметил другую, менее сложную краску клана и меньшее количество красных линий на его лице. — Отнеси бусины в деревню. Поговори с Леорик и купи на них эту ферму для нашего храма. — Она повернулась к матери: — Ты будешь управлять фермой для меня, во имя Зорира, — сказала она. — Оставляй себе монеты, которые получишь, и знай, что твои дети получают с нами лучшую жизнь, чем та, что вы способны им дать.

— Почему? — спросил отец. — Почему вы это делаете? Мы бесклановые.

Она встала, но ее внимание все еще было сосредоточено на мальчике, как будто слова отца не представляли для нее никакого интереса.

— Ты знаешь, кто такие Капюшон-Рэй, мальчик? — Он кивнул. — Скажи мне, — потребовала она.

— Они правят для Чайи. И создают магию. Большую, — ответил он. — Как Рэй, но значительно могущественнее.

— Ты очень умный мальчик. — Она улыбнулась. — Капюшон-Рэй может взмахнуть рукой, и целые армии исчезнут. Они способны силой мысли изменить судьбу нашего мира. Как Рэй, они одарены могуществом от бога, которое используют его именем.

Он не мог оторвать от нее глаз. Но теперь она отвела от него взгляд и посмотрела на отца и мать.

— Вам известно пророчество истинных Капюшон-Рэев? — спросил женщина.

Отец кивнул.

— Они поднимутся и сбросят Старых Капюшон-Рэев. И изменят мир так, что на севере снова станет тепло.

— Это упрощенная версия, — сказала она. — Но все не так просто. Истинные Капюшон-Рэй будут служить *истинному* богу, они восстановят связь между богами и землями, пострадавшими во время войны с нечистыми Осере. Богам больше не потребуются действовать через людей, и мы получим свободу. — Она оглядела собравшуюся семью. — Не будет Рэев, или Леориков, или даже Скиа-Рэев. — Она повернулась к мальчику, и ему показалось, что она становится выше, пока говорит. — И не будет иметь значения, что твои предки не сражались с Осере. Не будет стыда, все станут свободными, и мы пойдем по Звездному Пути в рай.

Отец смотрел на нее:

— Я никогда не слышал, чтобы монахи из деревни такое говорили.

— Потому что тогда им пришлось бы признать, что Чайи не является истинным богом, — сказала она. — Зорир — истинный бог, и его голос говорит мне, что твой сын станет истинным Капюшон-Рэем.

Его отец просто на нее смотрел. Потом он перевел взгляд на Кахана, но мальчик не мог думать, шевелиться или произнести хотя бы слово. Мир смыкался вокруг него, чуждый, огромный и наводивший ужас.

— Собери вещи, мальчик, — сказал отец. — И помни нас.

Потом все занялись делами, забегали вокруг него, но он ничего не замечал. Мальчик стоял в полнейшем онемении, пока собирали его немногочисленные вещи; потом ему сказали, что он должен идти за креслом Скиа-Рэй. Сначала он не шевелился, лишь смотрел, как она надела маску и уселась в кресло. Он был напуган, а не возбужден. Он не знал другой жизни и находил тепло только с теми, кто его любил. Он не хотел уходить.

Он почувствовал теплую руку в своей руке, повернулся и увидел улыбавшуюся ему Нахак.